

Александр Восьмой

Книга 2. «Фаргус и Язык Колоколов»

18+

Александр Восьмой

**Книга 2. «Фаргус и
Язык Колоколов»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 2. «Фаргус и Язык Колоколов» / А. Восьмой — «Автор», 2026

Парень Фаргус работал звонарём при храме, которого давно нет на картах. Колокола звенели сами — всегда в три часа ночи, всегда по одному и тому же ритму. Он думал, это ветер. Пока не разобрал слова. Каждый удар складывался в имя — и каждый названный приходил к храму с восходом, уже не совсем живой, но ещё не мёртвый. Фаргус молчал бы, но язык колоколов заразен: кто слышит, тот начинает звенеть. И когда в тёмном дворе запрокинул голову и застыл Даффи Толстяк, Фаргус понял — времени на молчание больше нет.

Александр Восьмой

Книга 2. «Фаргус и Язык Колоколов»

Глава 1. Звонарь без храма

Тени ложились на развалины церкви, будто сами искали, где спрятаться. Фаргус сидел на обвалившемся карнизе, слушал ночь — и ждал. Ровно в три часа воздух дрожал от первого удара колокола. Потом второго. Третьего.

Они звенели сами. Всегда в одно и то же время. Всегда с одним и тем же ритмом. Раньше Фаргус думал, что это ветер гуляет в пустых проёмах, раскачивает обрывки цепей. Потом начал различать в звоне узор. А потом — слова.

Каждый удар складывался в имя. И каждое названное имя отзывалось на рассвете: человек приходил к руинам храма. Он стоял у порога, запрокинув голову, будто прислушивался к чему-то внутри себя. Он был уже не совсем живой, но ещё и не мёртвый.

Фаргус молчал. Он не хотел знать, как работает эта магия, и уж точно не хотел становиться её частью. Но язык колоколов был заразен: кто слышал, тот начинал звенеть. Сначала в ушах. Потом в груди. А потом слова сами рвались наружу, как будто кто-то дёргал за невидимые струны.

В ту ночь Даффи Толстяк пришёл позже обычного. Он остановился посреди двора, тяжело дыша, будто бежал от чего-то, что нельзя обогнать. Потом запрокинул голову — и застыл. Его глаза были пустыми, как проёмы окон, а губы беззвучно шевелились, повторяя тот самый ритм.

— Даффи! — крикнул Фаргус, спрыгивая вниз.

Но Даффи его не слышал. Он уже слушал колокола — и они отвечали ему.

Из темноты выступили остальные: Мужик Оптима с тяжёлым взглядом, будто он уже видел, чем всё кончится; Окси, сжимавшая в пальцах осколок зеркала, словно это был клинок; Сиринити, которая всегда знала, где прячется тишина; и Прима, смотревшая на Даффи так, будто пыталась удержать его на этой стороне жизни одним только взглядом.

— Он начал звенеть, — прошептала Прима.

Фаргус кивнул. Он знал, что это значит. Теперь они все в этом. Теперь молчание не спасёт.

Где-то над руинами снова дрогнул воздух — колокол ударил в третий раз. И в этот раз Фаргус услышал не имя. Он услышал призыв.

Глава 2. Ритм, который складывается в имя

Три часа ночи. Воздух в руинах стал густым, будто пропитался звуком. Фаргус не ждал удара — он его чувствовал кожей ещё до того, как колокол дрогнул. Первый удар — как вздох. Второй — как шёпот. Третий — как слово.

Раньше он слышал только звон. Теперь — речь.

Каждый удар складывался в слог. Каждый слог — в имя. И стоило имени прозвучать, как где-то в мире кто-то вздрагивал во сне, а к рассвету приходил сюда, к порогу забытого храма. Тёплый. Дышащий. Но с глазами, в которых уже не было света.

Фаргус сжимал кулаки, будто мог удержать тишину, но тишина больше не принадлежала ему. Язык колоколов был заразен: кто слышал, тот начинал звенеть. Сначала в голове, потом в горле, потом — в каждом слове, которое срывалось с губ против воли.

Даффи Толстяк стоял у стены, прижимая ладонь к кирпичу, будто хотел почувствовать пульс здания. Его губы беззвучно повторяли ритм.

— Я слышу их, — хрипло сказал он, не глядя на Фаргуса. — Они зовут меня по имени. Я сам не говорю, но они знают, как меня звать.

Мужик Оптима шагнул вперёд, тяжёлый и неподвижный, как сама стена.

— Значит, ты уже в этом. Как и все мы.

Окси подняла осколок зеркала, и в нём на миг отразился не двор и не руины, а бесконечная череда ударов, уходящих в темноту, как ступени в никуда.

— Они не просто зовут, — тихо сказала она. — Они считают. И когда досчитают до конца, здесь не останется никого, кто сможет не отвечать.

Сиринити скользнула ближе к Даффи, будто хотела заслонить его от звука, который уже жил внутри него.

— Мы можем разорвать ритм, — прошептала она. — Нужно только ударить в ответ. Не так, как они. Своим ударом. Своим именем.

Прима смотрела на Даффи, и в её взгляде была не жалость, а решимость.

— Если он начнёт звенеть вслух, — сказала она твёрдо, — мы должны быть готовы его остановить. Или пойти с ним. Третьего не будет.

Колокол ударил снова. Четвёртый раз. И на этот раз имя прозвучало не в воздухе — оно прозвучало внутри Фаргуса, как собственное сердцебиение.

Он поднял голову и посмотрел на друзей. В их глазах он видел то же понимание: молчание больше не работает. Теперь нужно говорить. Или бить. Или бежать. Пока ещё есть выбор.

Глава 3. Мужик Оптима и его правило

День редко заглядывал в руины храма — он будто боялся спугнуть ту тишину, что держалась здесь только до заката. Но Мужик Оптима приходил днём. Всегда.

Он приносил с собой хлеб, завернутый в грубую ткань, потрёпанный календарь, где каждый месяц был отмечен одной и той же фразой: «Всё образуется», и спокойную уверенность, от которой даже тени казались чуть менее зловещими.

Фаргус смотрел на него и завидовал так, как завидуют людям, умеющим спать. Ему самому сон давно стал роскошью: стоило закрыть глаза, как в темноте тут же начинал звучать ритм — тот самый, что складывался в имена.

— Ты опять не спал, — сказал Мужик Оптима, протягивая кусок хлеба. Голос у него был низкий, тяжёлый, но в нём не было ни упрёка, ни жалости — только факт, который можно принять или отвергнуть.

Фаргус взял хлеб, но есть не стал.

— Даффи повторяет этот ритм, — тихо произнёс он. — Не вслух, но я вижу, как его губы шевелятся. Как будто кто-то дёргает за ниточки.

Мужик Оптима кивнул, будто ждал этого. Он достал календарь, провёл пальцем по строке, будто проверял, не стёрлось ли обещание.

— Есть правило, — спокойно сказал он. — Пока мы называем вещи своими именами, они не могут стать чем-то большим. Пока мы говорим «это звон», а не «это зов», у нас есть шанс удержать границу.

Окси подошла ближе, сжимая в руке осколок зеркала. В нём дрожали блики, похожие на отголоски ударов.

— А если граница уже прорвана? — спросила она. — Если слова больше не помогают?

Мужик Оптима посмотрел на неё так, словно видел не только её, но и то, что пряталось за её спиной.

— Тогда мы держим её руками. И плечами. И тем, что не даём друг другу упасть.

Сиринити скользнула вдоль стены, прислушиваясь к камням, будто хотела услышать, о чём шепчутся руины.

— Они считают, — прошептала она. — Каждый удар — шаг. Каждый шаг — ближе.

Прима стояла рядом с Даффи, не отводя от него взгляда. Даффи сидел на обломке плиты, его плечи вздрагивали в такт чему-то, чего никто, кроме него, не слышал.

— Он уже почти начал звенеть, — сказала Прима, не повышая голоса, но так, что все услышали. — Если он произнесёт имя — любое имя, — оно станет частью ритма. И тогда...

Она не договорила. Не нужно было.

Мужик Оптима шагнул к Даффи, положил ему на плечо тяжёлую руку — не грубо, но твёрдо, как ставят печать на договор.

— Не зови никого, — сказал он просто. — Пока мы здесь, звать не нужно. Мы уже пришли.

Даффи поднял глаза. В них мелькнуло что-то похожее на облегчение — и тут же исчезло, смываясь очередным внутренним ударом.

И в этот момент, несмотря на дневной свет, в руинах будто стало темнее. Потому что тень теперь падала не от стен — она шла изнутри.

Колокола молчали. Но Фаргус знал: это не тишина. Это пауза перед следующим ударом.

Глава 4. Прима считает удары

Прима сидела на краю разрушенной ступени, сжимая в пальцах школьную тетрадь и карандаш, который уже почти стёрся. Она считала удары колокола, как другие считают звёзды — не ради счёта, а чтобы не потерять себя в темноте.

Один. Два. Три.

Каждый удар рождал слог. Каждый слог — имя. Имена она записывала аккуратным, почти детским почерком, будто, если написать ровно, беда не сможет их прочитать.

Рядом, в полумраке двора, Даффи Толстяк стоял неподвижно, будто прислушивался к чему-то, что звучало только внутри него. Его тень лежала на камнях, но была какой-то неправильной — слишком тонкой, будто её уже начали стирать.

Прима подняла глаза и вдруг поняла: тени тех, кого назвал колокол, становились всё слабее. А потом исчезали совсем.

— Они перестают отбрасывать тень, — тихо сказала она, не обращаясь ни к кому конкретно.

Фаргус, стоявший чуть поодаль, вздрогнул, будто слова ударили его сильнее, чем звон.

— Что ты имеешь в виду?

Прима показала тетрадь. На странице в столбик шли имена. Напротив некоторых стояли пометки: «пришёл на рассвете», «не отвечает на вопросы», «не узнаёт свой голос».

— Смотри, — прошептала она, указывая на Даффи. — У него тень как будто не от него. Будто принадлежит кому-то другому.

Окси наклонилась над страницей, прищурившись, словно пыталась разглядеть в буквах скрытый смысл. В осколке зеркала, который она держала, мелькнули отблески, похожие на эхо ударов.

— Значит, ритм не просто зовёт, — сказала она. — Он стирает. Сначала тень. Потом имя. Потом самого человека.

Сиринити прижалась ухом к стене, будто хотела услышать, о чём шепчутся камни.

— Они торопятся, — прошептала она. — Сегодня удары звучат быстрее, чем вчера.

Мужик Оптима подошёл и встал между всеми и темнотой, как живая преграда. Его тень была тяжёлой, настоящей, и на миг Прима стало спокойнее.

— Пока мы помним, кто мы, — сказал он твёрдо, — они не смогут стереть нас до конца.

Прима снова посмотрела на тетрадь. На последней странице было пустое место — и она знала, что скоро придётся вписать туда новое имя.

Колокол ударил снова. Четвёртый раз. Пятый. Ритм ускорился, будто кто-то на той стороне спешил закончить счёт.

Прима сжала карандаш так, что он хрустнул. И всё же она продолжала писать. Потому что пока она записывала имена, они оставались настоящими. Пока она считала удары, она могла верить, что ещё есть время.

Но в глубине души она понимала: рано или поздно счёт закончится. И тогда придётся не записывать имена, а защищать их.

Глава 5. Окси, которая слышит звон изнутри

Окси пришла из деревни, где колоколов не было вовсе — ни на церквях, ни на башнях, ни даже в детских игрушках. Там мир звучал иначе: скрипом половиц, шелестом травы, криком птиц. Но здесь, у руин забытого храма, звон жил не снаружи — он жил внутри неё.

Он пульсировал в груди, как второе сердце. Не хаотично, а ровно, будто кто-то отсчитывал такт прямо в её рёбрах. И каждый удар нёс не просто звук — он нёс смысл.

— Он не зовёт, — сказала Окси, прижимая ладонь к груди, будто хотела унять этот внутренний ритм. — Он учит.

Фаргус посмотрел на неё с тревогой, будто боялся услышать то, что она собиралась сказать.

— Чему?

Окси медленно подняла осколок зеркала. В нём не отражалось её лицо — только бесконечная череда ударов, уходящих в темноту, как ступени в никуда.

— Тому, как перестать быть собой, — прошептала она. — Каждый удар — это урок. Первый учит не слышать. Второй — не помнить. Третий — не отзываться на своё имя. А когда ты перестаёшь отзываться, ты становишься частью ритма.

Даффи Толстяк сидел на обломке стены, его плечи вздрагивали в такт ударам, которых никто, кроме него, не слышал. Его тень уже почти исчезла, растворившись в сером камне.

Прима листала свою тетрадь, но теперь имена в ней казались ей не записями, а приговорами.

— Если это урок, — тихо сказала она, — значит, можно выучить другой. Можно научиться не слушать. Или слушать по-своему.

Сиринити скользнула ближе к Окси, будто хотела перенять её слух, чтобы тоже услышать то, что скрыто за звоном.

— А если мы ответим? — спросила она. — Если ударим в ответ? Своим ритмом. Своими именами.

Мужик Оптима стоял неподвижно, тяжёлый и спокойный, как сама земля под руинами.

— Тогда начнётся спор, — сказал он. — А в споре с тем, что старше этих камней, нельзя надеяться только на силу. Нужно, чтобы кто-то помнил, ради чего мы бьём.

Окси закрыла глаза. Звон внутри неё стал громче, будто хотел заглушить все остальные голоса. Но она не отводила взгляда от друзей.

— Я слышу, как он шепчет имена, — сказала она, и голос её дрогнул лишь на миг. — И я слышу, как они затихают. Но пока я слышу их — они ещё здесь. Пока я могу повторить их вслух, они не станут частью этого ритма.

Колокол ударил снова. И на этот раз Окси не вздрогнула. Она открыла глаза и произнесла имя — своё собственное, громко и чётко, будто бросая его в темноту как щит.

Звук её голоса на секунду перекрыл звон. И в этой короткой тишине все почувствовали: борьба уже началась. И она шла не снаружи, а внутри каждого из них.

Глава 6. Сиринити спускается к развалинам

Рассвет стекал по склону, размывая границы между туманом и реальностью. И из этой серой пелены появилась Сиринити — босая, в белом платье, будто сама ткань была соткана из

утреннего света. Она ступала по острым камням, не замечая боли, и казалось, что земля под её ногами становится мягче.

Фаргус замер у полуразрушенной арки, не зная, радоваться ли, что она пришла, или бояться того, что принесла с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.